

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ВЯЧЕСЛАВ
РЫБАКОВ

Гравилет
«Цесаревич»

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Р93

Оформление серии *Н. Ярусовой*
Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Рыбаков, Вячеслав Михайлович.

Р93 Гравилет «Цесаревич» / Вячеслав Рыбаков. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.- (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-238263-5

Конец XX века...

Неизвестные взорвали гравилет «Цесаревич» с наследником российского престола на борту. Расследование возглавляет князь Трубецкой, коммунист по вероисповеданию, полковник Министерства Государственной Безопасности. К преступлению причастны коммунисты, и князь вынужден бороться не только с преступниками, но и с собственными убеждениями. Улики приводят Трубецкого в Германскую империю, где одинокий ученый готовит невысказанный с точки зрения морали эксперимент...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-238263-5

© Рыбаков В.М., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Отец не почувствовал запаха ада
И выпустил Дьявола в мир.

*Альфред Гаусгоффер.
Моабит, 1944*

Глава 1
САГУРАМО

1

Упругая громада теплого ветра неторопливо катилась нам навстречу. Все сверкало, словно ликуя: синее небо, лесистые гряды холмов, разлетающиеся в дымчатую даль, светло-зеленые ленты двух рек далеко внизу, игрушечная, угловато-парящая островерхая глыба царственного Светицховели. И — тишина. Живая тишина. Только пошвыстывает в ушах напоенный сладким дурманом дрока простор да порывисто всплескивает, волнуясь от порывов ветра, длинное белое платье Стаси.

— Какая красота, — потрясенно сказала Стася. — Боже, какая красота! Здесь можно стоять часами...

Иракий удовлетворенно хмыкнул себе в бороду. Стася обернулась, бережно провела кончиками пальцев по грубой желтовато-охристой стене храма.

— Теплая...

— Солнце, — сказал я.

— Солнце... А в Петербурге сейчас дождь, ветер. — Снова приласкала стену. — Полторы тысячи лет стоит и греется тут.

— Несколько раз он был сильно порушен, — сказал Иракий честно. — Персы, арабы... Но мы

отстраивали. — И в голосе его прозвучала та же гордость, что и в сдержанном хмыке минуту назад, словно он сам, со своими ближайшими сподвижниками, отстраивал эти красоты, намечал витиеватые росчерки рек, расставлял гористый частокол по левому берегу Куры.

— Ираклий Георгиевич, а правда, что высота храма Джвари, — и она опять, привечая крупнокаменную шершавую стену уже как старого друга, провела по ней ладонью, — относится к высоте горы, на которой он стоит, как голова человека к его туловищу? Я где-то читала, что именно поэтому он смотрится так гармонично с любой точки долины.

— Не измерял, Станислава Соломоновна, — с достоинством ответил Ираклий. — Искусствоведы утверждают, что так.

Она чуть кивнула, снова уже глядя в даль, и шагнула вперед, рывком потянув за собою почти черное на залитой солнцем брусчатке пятно своей кургузой тени. «Осто!..» — вырвалось у меня, но я вовремя осекся. Если бы я успел сказать «Осторожнее!» или тем более «Осторожнее, Стася!» — она вполне могла подойти к самому краю обрыва и поболтать ножкой над трехсотметровой бездной. Быть может, даже прыгнула бы, кто знает.

— Ираклий Георгиевич, — не оборачиваясь к нам, она показала рукой вправо, вверх по течению реки Арагви, — а во-он там, за излучиной... какие-то руины, да?

— Развалины крепости Бебрисцихе. Там очень красиво, Станислава Соломоновна. И просто половодье столь любимого вами дрока, воздух медовый. Туда мы тоже обязательно съездим, но в другой раз. После обеда или даже завтра.

— Вряд ли после обеда, — подал голос я. — Стася все-таки с дороги.

К Джвари мы заехали по пути с аэродрома.

Стася обернулась и чуть исподлобья взглянула на меня широко открытыми, удивленными глазами.

— Я ничуть не устала. — Отвернувшись, добавила небрежно: — Разве что на вторую половину дня у тебя иные виды...

И снова, как все чаще и чаще в последние недели, я почувствовал себя словно в тысяче верст от нее, словно в тысяче лет от нее. Словно в могиле от нее.

Она неторопливо шла вдоль края площадки; мы волей-неволей — за нею.

— И совсем они не шумят, сливаясь, — проговорила она, глядя вниз. — И не обнимаются. Обнимаются вот так. — Она мимолетно показала. Угловатыми змеями взлетели руки, сама изогнулась, запрокинулась пружинисто — и у меня сердце захолонуло, тело помнило. — А эти мирно, без звука, без малейшего всплеска входят друг в друга. Как пожилые, весь век верные друг другу супруги. Странно он видел...

— И монастырем Джвари не был никогда, — чуть улыбаясь, добавил Ираклий.

— Поэту понадобилось — значит, он прав, — сразу ответила Стася, не замечая, что атакует не столько реплику Ираклия, сколько предыдущую свою. — Если поэт в придорожном камне увидел ужин — он сделает из него ужин, будьте покойны.

— Но ведь ужин будет бумажный, Станислава Соломоновна!

— Один этот бумажный переживет тысячу мясных.

С веселой снисходительностью Ираклий развел руками, признавая свое поражение, как если бы в тупик

его поставил ребенок доводом вроде: «Но ведь феи всегда поспевают вовремя».

— Велеть сегодня разве бумажное сациви, — задумчиво проговорил он затем, — бумажное ахашени... — И подмигнул мне.

Стася, шедшая на шаг впереди, даже не обернулась. Ираклий чуть смущенно огладил бороду.

— Впрочем, боюсь, мой повар меня не поймет, — пробормотал он.

Как-то не так начинается эта долгожданная неделя, подумал я. Эта солнечная, эта свободная, эта беззаботная... Я прилетел вчера вечером, и мы с Ираклием почти не спали: болтали, смеялись, потягивали молодое вино и считали звезды, а я еще и часы считал, а утром гнали от Сагурамо к аэродрому, и я считал уже минуты и говорил: «Вот сейчас Стаська элеронами зашевелила», «Вот сейчас она шасси выпустила». Ираклий же, барственно развалившись на сиденье и одной рукой небрежно покачивая баранку, хохотал от души и свободной рукой изображал все эти воздухоплавательные эволюции. И вот поди ж ты — пикировка.

Ираклий, видно, тоже ощущал натянутость.

— Я думаю иногда, — сказал он, явно стараясь снять напряжение и разговорить Стасю, — что российская культура прошлого века много потеряла бы без Кавказа. Отстриги — такая рана возникнет... Кровью истечет.

— Не истечет, — небрежно ответила Стася. — Мицкевич, например, останется как был. Его мало волновали пальмы и газаваты.

— Ах, ну разве что Мицкевич, — с утрированно просветленным видом закивал Ираклий. Чувствовалось, его задело. — Как это я забыл!

— Конечно, в плоть и кровь вошло, — примирительно сказал я. — И не только в прошлом веке — и в этом... Считай, здесь одно из сердец России.

— Боже, какие цветы! — воскликнула Стася и кинулась с площадки вниз по отлогому склону; и длинное белое платье невесомым облаком заклокотало позади нее, словно она вздымала в беге пух миллионов одуванчиков. Изорвет по колючкам модную тряпку, подумал я, здесь не польские бархатные луговины... Но вслух не сказал, конечно.

— Серна, — ведя за нею взглядом, проговорил Ираклий то ли с иронией, то ли с восхищением. Скорее всего и с тем и с другим.

Разумеется, зацепилась. Ее дернуло так, что едва не упала. Но уже мгновением позже любой сказал бы, что она остановилась именно там, где хотела.

— Признайтесь, Станислава Соломоновна, — крикнул Ираклий, — в вас течет и капля грузинской крови!

Она повернулась к нам — едва не по пояс в жесткой траве и полыхающих цветах.

— Во мне столько всего намешано — не упомянуть. — Голос звенел. — Но родилась я в Варшаве. И вполне горжусь этим!

— Действительно, — подал голос я. — И носик такой... с горбинкой.

— Обычный еврейский шнобель, — отрезала она и отвернулась, сверкая, как снежная, посреди горячей радужной пены подставленного солнцу склона.

— Ядовиток тут нет каких-нибудь? — спросил я, стараясь не выказывать голосом беспокойства.

Ираклий искоса стрельнул на меня коричневым глазом и принялся перечислять:

— Кобры, тарантулы, каракурты...

— Понял, — вздохнул я.

Некоторое время мы молчали. День раскаленно дышал, посвистывал ветер. Ираклий достал сигареты, протянул мне.

— Спасибо, на отдыхе я не курю.

— Я помню. Просто мне показалось, что сейчас тебе захочется. — Он вытряхнул длинную, с золотым ободком у фильтра, «Мтквари». Ухватив ее губами, пощелкал зажигалкой. Жаркий ветер сбивал пламя. Нет, занялось.

— От чего мы действительно можем кровью истечь, — сказал я, — так это от порывистости.

— Это как?

— Я и сам толком не понимаю. Навалиться всем миром, достичь быстренько и почить на лаврах. Только у нас могла возникнуть поговорка «Сделал дело — гуляй смело». Ведь дело, если это действительно дело, занятие, а не кратковременный подвиг, сделать невозможно, оно длится и длится. Так нет же!

Ираклий с сомнением покачал головой:

— Нет, нет, даже язык это фиксирует. Возьми их «миллионер» и наше «миллионщик». Миллионер — это, судя по окончанию, тот, кто делает миллионы, тот, кто делает что-то с миллионами. А миллионщик — это тот, у кого миллионы есть, и все. В центре внимания не деятельность, а достигнутое неподвижное наличие.

Ираклий затаился, задумчиво щурясь на восьмигранный барабан храма. Казалось, барабан плавится в золотом огне. Страхивая пепел, легонько побил средним пальцем по сигарете. Вновь покачал головой:

— Во-первых, мы говорили о российской культуре, а ты говоришь о русском национальном характере. Уже подмена. А во-вторых, от чего характер действительно может истечь кровью — так это, прости, от какой-то упоенной страсти к самобичеванию. Даже поводы при-

думываете, как нарочно, хотя они не выдерживают никакой критики. Если следовать твоей логике, можно подумать, что «погонщик» — это тот, у кого есть погоны на плечах, — он легонько хлопнул меня по плечу, обтянутому безрукавкой, — а отнюдь не тот, кто скотину гонит.

— Уел, — сказал я, помолчав. — Тут ты меня уел. И где! В стихии моего языка!

— Свой язык слишком привычен. Бог знает, что можно придумать, если комплекс заедает. Со стороны виднее. — Он опять затаился и опять искоса взглянул на меня, на этот раз настороженно: не обидел ли. — Хотя что значит со стороны.. Одной ногой со стороны, другой — изнутри. Как многие в этой стране.

Теперь уже я коснулся ладонью его плеча:

— Послушай, Иракий. Вон те горы..

— Слева?

— Да, те, куда Тифлисский туннель уходит..

— Послушай, Александр, — в тон мне проговорил он. — Когда царь Вахтанг Горгасал, утомившись на охоте, спешил к у незнакомого источника и решил омыть лицо, он опустил в воду руки и удивленно воскликнул: «Тбили!», «Теплая!» Оттуда и пошло название города. Запомни, пожалуйста.

— Прости. Хорошо, но почему ты мне пеняешь, а в Петербурге и где угодно слышишь по десять раз на дню «Тифлис» и — ни звука?

Он бросил окурок и тщательно вбил его каблуком в сухую землю, чтобы и следа его не осталось.

— Потому что чужие его пусть хоть Пном-Пнем называют. Ты же не чужой. Понял?

— Понял.

— Будешь еще говорить «Тифлис»?

— Амазе лапаракиц ки ар шейдзлеба!

— И речи быть не может... — машинально перевел он; у него сделался такой оторопелый вид, что я засмеялся. — Ба! Ты что, дорогой, грузинский учишь? И произношение как поставил!

— Увы, обрывки только, — признался я. — Разговорник полистал перед отлетом. А было бы время да способности — все языки бы выучил, честное слово. Приезжай хоть в Ревель, хоть в Верный — и себе приятно, и людям уважение. Но...

— Лопнет твоя головушка от такого размаха, — ухмыльнулся Ираклий. — Вот действительно русский характер. Уж если языки — то все сразу. А если не все — то ни одного. В лучшем случае — от каждого по фразе. Имперская твоя душа... Побереги себя.

— Дидад гмадлобт¹.

— Не стоит благодарности.

— Я вот что хотел спросить. В те горы как — погулять можно пойти? Тропки есть? Или там слишком круто?

Ираклий неторопливо перевел взгляд на Стасю. Она была уже шагах в пятидесяти.

— Да, да, я ее имею в виду.

— Ну, Станислава Соломоновна-то, я вижу, везде пройдет. — Он отступил от меня на шаг и с аффектированным скепсисом оглядел с головы до ног. Я улыбнулся:

— Обижаешь, друг Ираклий. Конечно, после тридцати я несколько расплылся, но в юные лета хаживал и по зеркалу Ушбы, и на пик Коммунизма...

— О, ну конечно! Как я мог забыть! Чтобы правый коммунист не совершил восхождения на свою Фудзияму!

---

¹ Большое спасибо (*груз.*).

— Дорогой, при чем тут Фудзияма! — начал кипятиться я. — Просто трудный интересный маршрут! И так уж судьбе было угодно, чтобы большинство ребят, залезших туда впервые и давших в двадцать восьмом году название, принадлежали к нашей конфессии!

Он засмеялся, сверкая белыми зубами из черной бороды.

— А тебя, оказывается, тоже можно вывести из себя, — сказал он. — Признаться, глядя, как с тобой обрываются некоторые здесь присутствующие, я думал, ты ангел кротости.

Я отвернулся, уставился на Мцхету. Пожал плечами.

— Тебе и тяжело так оттого, что у тебя всегда все всерьез, — негромко сказал Ираклий. — И у тех, кто с тобой, — все всерьез.

Я пожал плечами снова.

— А как Лиза? — спросил он.

— Все хорошо. Провожала меня вчера чуть не до трапа.

— Потому и летели разными рейсами?

— Ну, мы не говорили об этом вообще, но, наверное, Стася была уверена, что меня будут провожать. Она сама и придумала себе какую-то отсрочку, чтобы лететь сегодня... даже не сказала какую.

— А Поленька?

— И Поленька провожала. Всю дорогу рассказывала сказку про свой остров, уже не сказку даже, а целую повесть. На одной половине живут люди, которые еще умеют немножко думать, но только о том, где бы раздобыть еду, а на другой — которые думать уже совсем не умеют. «Почему?!» — «Папа, ну как ты не понимаешь? Ведь Мерлин дал им вдоволь хлеба, и теперь они думать совсем разучились, потому что весь остров долго голодал и думать люди стали только о еде!» Ви-